

RU

Проблема морально-этических воззрений народа в прозе М. Мусаева

Товсултанова Д. С.

Аннотация. Цель исследования - характеристика жизненных и эстетических событий прозы чеченского писателя М. Мусаева, в творчестве которого показаны этические грани социального идеала. В данной статье рассмотрены морально-этические воззрения чеченского народа в произведениях М. Мусаева «Золотая брошка», «После выстрела», в которых показано нравственное падение человека с точки зрения автора-дидакта. Научная новизна исследования заключается в раскрытии понятий «событие» и «со-Бытие» в прозе М. Мусаева в контексте философских поисков чеченских писателей. Полученные результаты показали, что этический пафос прозы М. Мусаева и других чеченских авторов реализован в поступках героев и событиях их жизни.

EN

Representation of the Chechens' Moral-Ethical Views in M. Musaev's Prose

Tovsultanova D. S.

Abstract. The paper analyses life events and aesthetic events in the Chechen writer M. Musaev's prose whose works reveal ethical aspects of the social ideal. The article examines the Chechens' moral-ethical views representation in M. Musaev's works "The Golden Brooch", "After the Shot" describing an individual's moral degradation from a didactic author's viewpoint. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher reveals the content of the notions "event" and "co-Existence" in M. Musaev's prose in the context of the Chechen writers' philosophical search. The findings indicate that ethical pathos of M. Musaev's works is realized through the personages' stories. This is also true for other Chechen authors.

Введение

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнения, так как морально-этические проблемы человечества играют важную роль в развитии современного общества. Рассматривая прозу писателей ЧР, нельзя не констатировать факт их пристального внимания к этим важнейшим проблемам, определившим мировоззрение героев, ментальность личности, коллектива, родовой общности и всего народа. Особенности развития нравственного идеала чеченской нации обусловили движение литературы как выразителя и фермента массовой психологии, меняющейся в ходе исторического развития общества.

В задачи исследования входило: а) проанализировать этический пафос прозы М. Мусаева в свете идей М. Бахтина; б) выявить особенности событийности в прозе М. Мусаева; в) раскрыть нравственный идеал автора и показать поведение его героев.

Теоретической базой исследования послужили, наряду с трудами Ю. М. Лотмана о специфике события в структуре художественного текста, идеи М. М. Бахтина, В. В. Хорольского, В. И. Тюпы, Н. Д. Тамарченко о разграничении жизненной и эстетической событийности. Основным методом исследования является структурно-семиотический метод.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении дисциплин «Теория литературы», «Литература народов Российской Федерации». Полученные данные могут найти применение при создании учебника «История чеченской литературы».

Этический пафос прозы М. Мусаева в свете идей М. Бахтина

Анализ конфликтов прошлого и настоящего позволяет писателям (например, А. Айдамиров, М. Мамакаев, Ш. Окуев, Х. Ошаев, М. Мусаев и др.) показать драматические моменты социальной и частной жизни, столкнувшись в одном сюжете разные этические концепции [3]. Одним из выдающихся представителей национальной литературы, ориентирующейся на изображение нравственных поисков героев, на типизацию обычной жизни простых людей, считается М. Мусаев, книги которого широко известны в РФ [10].

Проза М. Мусаева базируется на обыденных, «первичных» событиях и «атомарных фактах» [13], в основе которых лежит протекание каждодневного бытового существования человека, прерываемого изменениями малого и большого масштаба. Переход литературных героев за пределы привычной обыденности, их исход, говоря словами Ю. Лотмана, «через семантическую границу» [8, с. 282], составляет сюжетную базу любого повествования. Событийность является фабульным двигателем эпических произведений, естественной канвой наррации.

Как известно, в **структуру события** можно включить следующие элементы: номинацию и тематическую направленность события, состав его участников и свидетелей происшествий, социально-бытовые детали, мотивы и причины поступков и жестов действующих лиц, результаты и следствия разрешения базового конфликта, локализацию и хронотоп (т.е. время и место) события [5]. Для понимания категории «событийность» важна, по мнению культурологов, идея «**единственности**» каждого мига бытия, предполагающая одновременно «**множественность**» толкований происходящего, коррелирующую с принципами субъективного восприятия художественного текста (ХТ). Каждое событие в жизни и ХТ уникально, оно не повторяется никогда, однако характерные жизненные эпизоды внешне серийны: рождение, учеба, работа, свадьба, похороны, случайные происшествия, события-ивенты, творческие победы и т.д. Поведение человека в типичных ситуациях тоже во многом предсказуемо, но свободный выбор остается за личностью. Писатели типизируют события, отбирают характерные признаки жизни социума, отсеивают незначительное, второстепенное, что они наблюдают в жизни, но при этом с помощью той же детализации распределяют и обобщают поток бытия в основных мотивах, символах и мифологемах, концентрируемых в событийных блоках (напр., мотивы экономические, политические, любовные, криминальные, эстетико-культурные, бытовые, сверхличностно-трансцендентальные и т.д.). Фокализация в нарративе писателей играет роль эстетического прожектора, высвечивающего суть события и его ценностный смысл. Разговор об этических заботах личности и социума в целом является, на наш взгляд, основным вектором современной чеченской литературы социально-бытовой направленности.

Идея похожести и одновременно непохожести жизненных и эстетических событий, по мнению В. В. Хорольского, В. И. Тюпы [12], Н. Д. Тамарченко [11] и др., согласуется с гегелевской диалектикой единства и борьбы противоположностей (диалектика мига и вечности), перекликается с теорией М. Бахтина о «трансгредентности» (внезаходимости) автора по отношению к создаваемым образам персонажей [1], а также эта идея коррелирует с теориями современного литературоведения, посвященными анализу фабулы и сюжета в ХТ. Принцип нераздельности и неслиянности автора биографического (АБ) и автора художественного (АХ), коррелирующий с аналогичной диалектикой событийности жизненной и эстетической, подтверждается всем опытом мировой литературы, это одна из универсалий художественно-эстетического прогресса (см. Рисунок 1). Полная идентичность событий ни в жизни, ни в искусстве, по мнению ученых, невозможна; рецепция сюжетно-событийной ленты крайне субъективна, скажем, для персонажа фабульная «мелочь» (платок возлюбленной) может быть важна, для автора она может иметь иную ценность, а для читателя и вовсе может казаться занудно-натуралистической эмпирикой, не стоящей фиксации и нашего внимания. Эта субъективность перцепции ХТ коррелирует с идеей Бахтина о разных кругозорах персонажей и авторов, что порой укрепляет иллюзию абсолютной произвольности в толковании смысла событий и мотивов в ХТ.

Рисунок 1

Не менее значимой для понимания закономерностей движения литературного потока можно считать иллюзию («кажимость», пользуясь термином В. И. Ленина) полной повторяемости некоторых эпизодов истории и человеческой жизни, что в одних ситуациях порождает миф о цикличности истории, а в других случаях представляет «событийность» как реализацию модели жизни – броуновского движения молекул, не знающего диктата причинности. Подобные крайности легко выравниваются в эстетическом «событии рассказывания», где человеческая субъективность сталкивается с интересубъективностью, междисциплинарным диалогом и здравым смыслом интерпретаторов. Эстетическое событие по определению не может быть равно событию жизненному, если иметь в виду азы теории отражения. Событие, связанное с преступлением Отелло, очевидно не подлежит оценке с позиций юриспруденции, убийство на сцене Дездемоны не вызывает желания задержать и судить актера. В то же время писатели-реалисты, стремясь к максимальной достоверности, подробно рисуют подобные события, чтобы в совокупности событий и этических выборов возник читательский

катарсис и верный выбор жизненной стратегии. Р. Раскольников в «Преступлении и наказании» признает свою вину перед людьми и Богом, он искренне кается, и его раскаяние вызывает у нас сочувствие, хотя само событие, сам факт убийства у нормальных людей, естественно, не вызывает одобрения. Характерно, что убийства, составляющие фабульную загадку (приманку для читателя) прозы М. Мусаева, не похожи на убийства в традиционных детективах. Как и Ф. Достоевский, чеченский автор использует форматы детективного жанра для разворачивания наррации о внутреннем мире персонажа, о душе человека и страданиях любой личности в этом несовершенном мире. Не разгадывание загадки, а постижение тайн бытия волновало и сегодня волнует известных авторов Чечни.

«Событие рассказывания» в прозе М. Мусаева

Каковы же особенности событийности в прозе М. Мусаева и как сквозь призму этих событий просвечивают авторский идеал и этическая концепция его героев? В сборнике рассказов и повестей М. Мусаева «На рассвете» (1960) речь шла о нравственном выборе молодых людей, ищущих себя в условиях урбанизации страны и появления новых возможностей, связанных с оттепелью. В 1963 году в свет вышла повесть «Золотая брошка», в которой падение человека показано Мусаевым с точки зрения автора-дидакта, говорящего о провалах воспитания и быта в провинциальных городах и селах Чечни [6]. Сюжет базируется на событиях в селе, где люди хорошо знают друг друга. Завязкой детективно-социального сюжета выступает «ограбление» магазина, которое вовлекает в событийную ситуацию многих героев повести. С одной стороны, это положительный герой Азамат Дадалов, только начинающий работать в районном отделении милиции. Его нравственный идеал, соотносимый с народным идеалом долга и сохранения лучших традиций прошлого, определяет его поведение и поступки в ходе расследования преступления. С другой стороны, главным действующим лицом в житейской драме выступает заведующий сельмагом Хамзат Амаев, о мировоззрении которого автор говорит прямо, в форме публицистического отступления, резюмируя в конце произведения суть жизненного провала этого человека, которому в ХТ предназначена роль «злодея». Согласно замыслу биографического автора, нравственное падение еще молодого человека, ухаживающего за Раисой, сестрой Азамата, можно объяснить живучестью собственнических инстинктов и жадной легкой жизни: «Главной заповедью его жизни стала страсть к личному обогащению. Зачем жить для кого-то? Зачем трудиться? Сумей взять все необходимое тебе... Люди неохотно расстаются с тем, что добыли трудом своих рук и своего ума. Значит, надо словчить, схитрить и не попасться. Для этого требуются способности, ум, талант. И Хамзату ничего другого не остается, как все это развить в себе, презирая глубоко в душе людей» [9, с. 300]. Передавая мысли персонажа, художественный автор-повествователь с помощью саморазоблачительной несобственно-прямой речи подчеркивает, что хитрость и коварство в народе никогда не имели такого положительного ореола, как храбрость, трудолюбие, мудрость. Но и большими преступлениями хитрость и ловкость в делах часто не считались, ибо условия жизни толкали многих на авантюры. Однако есть жесткая граница между ловкостью в делах и обманом государства, тем более что Хамзат в начале истории уже пригласил в чайную заведующего складом Саида Саламова, которого хотел вовлечь в преступный сговор. Эта сюжетно-композиционная деталь подчеркивает намерение автора создать сугубо отрицательный образ торговца-прохиндея. Жертвой ловкача Хамзата становится в повести и старый сторож Тарам, которого хитрым маневром отрицательный герой удаляет с места преступления, а потом оговаривает, делая виновником ограбления. Это событие, взбудоражившее аул, становится движущим мотором и ускорителем сюжета. В то же время мотив преступления соседствует с психологическим анализом поведения персонажей, выступая эстетическим «оселком», индикатором их моральных поступков. Когда молодого лейтенанта Азамата Дадалова назначают руководителем следственной группы, его старший и по званию, и по возрасту коллега Овхад Батаев проявляет далеко не лучшие человеческие качества. Автор подчеркивает, что этот персонаж – не злодей. АБ отмечает: «А ведь не плохим человеком был Овхад. Не искал дарового хлеба, каменных палат, вел скромный образ жизни, был привязан к жене и трем детям, из которых двое учились в институтах, а самая младшая заканчивала десятилетку. Нет, не плохим человеком был Овхад. И все-таки...» [Там же, с. 175]. Далее идет изображение поступков и жестов персонажа, охваченного завистью и мелкой мечтой о карьере. Лицемерие и хитрость помогают ему добиться отстранения Азамата Дадалова от ведения дела, что вызывает у последнего прилив негативных эмоций и чувства неполноценности. Конфликт усугубляется подарком, который сделал Раисе Хамзат Амаев, пытающийся в начале нарратива просто использовать девушку в своей игре. Однако потом, узнав ее поближе, Хамзат полюбил ее – неожиданный поворот сюжета еще раз возвращает нас к авторской идее неоднозначности человеческой природы. Роль случая такова, что читатель вправе спросить о логичности этой смены настроения героя. Ведь случись такое раньше, история была бы совсем иной. Золотая брошка выступает в ХТ символом несбывшегося счастья девушки, которая полюбила Хамзата, а он и ее использовал в своей грязной игре. Случайное убийство Хамзатом своей матери лишь венчает событийную пирамиду, ведущую к разоблачению и моральному краху жулика и прохиндея. Народ, пораженный ложью и коварством Хамзата, отвернулся от односельчанина. Автор через косвенные оценки и прямые события-индикаторы показал очевидную негативную суть персонажа, позволив читателям достроить его судьбу и предположить вполне возможное искупление грехов в тюрьме и возвращение к честной жизни. В своей новой жизни герой может вернуться к своему истинному Я. Финал романа фабульно открыт, а для эстетического завершения сюжета, изложенного достаточно, и архитектура повествования не выглядит неполной.

Мотив судьбы маленького человека, брошенного в космос Большой Жизни, обусловил сюжетно-событийное движение и эволюцию авторской идеи в романе «После выстрела» (1969), ставшем важной вехой в становлении социально-психологического реалистического романа Чечни в XX в. Фабульная канва произведения не отличается сложностью и масштабом событий. Камерный мир горного селения показан АБ в достоверно-психологическом описании нравов и быта соотечественников, в психологически точном изображении приватной жизни разных людей, вовлеченных в орбиту нарратива. В центре события рассказывания находится семья ветерана Гражданской войны Мурдала, его жены Зелихи и их приемного сына Мовсара. Своих детей у пожилых супругов не было, и появление в их семье мальчика-бродяжки психологически обосновано, хотя в фабульном слое повествования это случайность, неожиданная завязка сюжета. В самом начале повествования автор показывает встречу на охоте старика Мурдала и одинокого сироты Мовсара, воспроизводит их разговор о жизни и судьбе отверженного родственниками паренька. Счастливая случайность сводит старика и мальчика.

Он нашел новую семью, но у Мурдала был брат Сардал, который увидел в приемном сыне конкурента в будущем разделе отцовского имущества. Конфликт интересов усугублялся завистью Сардала, который не добился таких жизненных успехов, как его старший брат, завидовал, сравнивая своих детей с Мовсаром.

Этика повседневности, воссоздаваемая автором в эпизодах взросления и душевной драмы Мовсара, характеризует чеченский этнос и этос в контексте сопоставления прошлого и настоящего, старых и новых традиций и обычаев. Писатель стремится запечатлеть будни в их малозаметном, но неуклонном движении по направлению к фабульной кульминации – убийству Мовсара. Детективной загадки нет – девушка Элиса уже в самом начале наррации появляется в милиции с ружьем и признается: «Я убила человека». Далее следует продолжительная ретардация, медленное накопление деталей быта и событийности для разворачивания этико-психологического сюжета о трагедийности человеческого существования.

Характерный стилевой штрих: эстетическое завершение романного сюжета связано с мотивом преступления, но само оно показано лапидарно, сухо, без той экспрессии, которую мы видим в сцене убийства старухи-процентщицы и ее сестры в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Для Мусаева гораздо важнее показать мотивы поступка, а не его физическую реализацию. Анализ отношений Мовсара и Элисы позволяет автору и читателю поставить вопрос о балансе идеалов прошлого и настоящего в массовом сознании. Убийству предшествовало надругательство над девушкой Мовсара, угрозами и яростью, возможно, в состоянии аффекта склонившего девушку к послушанию и дальнейшему молчанию. Овладев испуганной девушкой, видевшей гнев и ярость молодого человека, размахивавшего кинжалом, Мовсар встал на путь зла – тут авторская позиция, совпадающая с общечеловеческим этическим идеалом, ясна: преступление совершено, оно должно получить адекватную оценку. Но есть немаловажная сюжетная деталь, которая становится событием, уводящим сюжет в сторону публицистического обсуждения традиций и традиционализма как совокупности предрасудков. Писатель показывает обычай горцев, по которому парень, надругавшийся над девушкой, обязан на ней жениться. Или, если возможен компромисс, украсть ее и вернуть через некоторое время в семью. Мовсар отказывается, т.к. прошло время, у него уже есть любимая женщина, Элиса живет в большом городе, учится, работает, рисует... Она дружит с молодым человеком по имени Висхан, который устал от нежелания девушки выйти за него замуж. Ведь и по традиции парень ждет согласия своей избранницы, но есть и временные границы ожидания, есть время выбора, решения судьбы: либо – либо. В финале романа Висхан после честного рассказа возлюбленной трагически восклицает: «Зачем же ты скрывала?.. Мы ведь живем в двадцатом веке! Я люблю тебя. И я – не Изновр. Мы давно бы уже были мужем и женой. И не было бы этого... несчастья... Я буду с тобой, что бы ни случилось. Не бойся, суд должен тебя оправдать. Или, по крайней мере, учесть все эти обстоятельства» [Там же, с. 162]. Финал в этом романе, как и в повести «Золотая брошка», открытый, главные события позади, суд решает судьбу героини. Ее возвращение в лоно семьи и близких людей неизбежно.

Нравственный идеал автора-повествователя

Рассматривая проблему этических поисков героев М. Мусаева, нельзя не обратить внимания на роль трудовой этики и коллективной психологии в процессе становления личности. Трудолюбие горцев известно, традиция постоянного самосовершенствования в труде поощряется всегда, нет самореализации без обладания навыками работы на земле или на производстве. Поэтому так важен для понимания личности Мовсара его труд на заводе. Именно коллектив становится мерилем достоинств личности. И здесь горячий и вспыльчивый герой, никогда не бежавший от работы, уважающий старших, любящий своих приемных родителей, неожиданно становится объектом критики. Его товарищ по цеху Изновр, влюбленный в Элису, предложил оштрафовать Мовсара за допущенный брак. Был он допущен из-за переживаний Мовсара. Работая, он все время думал: «Кто же был в конце концов мой отец?.. Почему Сардал настойчиво и неотступно требует ответа? Зачем ему? Неужели человек не может всего добиваться сам? Ведь тот, кого подсаживают при подъеме в гору или тянут вверх на канатах, сам потом и шаг не может ступить. И совсем другое дело, если человек карабкается по уступам без посторонней помощи. С каждым разом становится он все сильнее, выносливее, смелее. Тот, кто привык держаться за руку отца, взобравшись на вершину, мигом с нее соскользнет. А тот, что взбирается сам, прочно стоит на вершине» [Там же, с. 55]. Данный монолог вскрывает душевные сомнения персонажа в своих корнях, герой, испытывая экзистенциальное одиночество, видит кругом врагов, становится подозрительным и гневным. Писатель показывает переживания героя в контексте интриг Сардала, очерняющего юношу за спиной. Разговоры о темном прошлом его биологического отца тоже ведут к стрессу и способствуют его душевному срыву.

В подтексте нарратива содержатся ссылки на традиции горцев, близкие к мусульманскому учению о смирении и послушании как основе поведения человека в обществе, что особенно касается морали женщин. Традиционное мышление мусульман, как известно, близко к традиции почитания старших, основанной на заветах тех, кто наделен опытом, мудростью, властью и имеет бесспорные духовные достоинства. Прецедентные формы мусульманского права и формы разрешения этико-правовых коллизий веками требовали от личности жертвенности ради блага коллектива, соблюдения законов Шариата, верности Корану и т.п. В отличие от западного этического идеала, настаивающего на верховенстве прав личности, идеал Востока требует ставить во главу угла коллектив, сообщество соплеменников.

В годы советской власти атеизм поставил под сомнение многие ценности традиционализма, а мировая культурная глобализация привела к конвергенции и синтезу разных идеалов. Смена ценностных ориентиров сказалась на поведении молодежи в романе М. Мусаева: Мовсар и его друзья выпивают, свободно говорят о порядках на заводе, о своих вкусах, о личной жизни. Их коммуникативное поведение стало более открытым. Когда-то М. Бахтин писал об отношениях Я и Другого: «...для эстетической объективности ценностным центром является целое героя и относящегося к нему события, которому должны быть подчинены все этические и познавательные ценности» [2, с. 15]. Другими словами, выдающийся теоретик подчеркивал, что эстетическое событие «начинается с момента чужой оценки практического события» [4, с. 17], т.е. с оценки одним человеком действий и слов другого, с момента начала диалога двух сознаний. Субъектность такого диалога, в отличие от монологизма властных директив, о которых писатель умалчивает, но с которыми и не спорит, зная о цензуре, позволяет выявить полифонизм голосов народной массы. Событие рассказывания передает регистры диалога в ХТ, интонации голосов всех участников драмы.

Заключение

Изучив проблему морально-этических воззрений народа в прозе чеченского писателя М. Мусаева, мы пришли к следующим выводам.

Художественный образ «события» и «со-Бытия» должен стремиться к максимальной точности отражения события жизненного, но в отличие от научной трактовки исторических событий, писатели обычно создают фикциональные образы событий, которые парадоксальным образом могут быть не менее истинны, нежели события в научных текстах. Художественная правда может отличаться от научно-исторической правды, но быть более адекватной в конкретных условиях созданного автором художественного мира. Писатель может опираться на «создание» (конструирование) событий, мифологизирующих жизнь, но условность конструкций не всегда искажает действительность. Различие (синоним – различность), т.е. несходство и непохожесть явлений, в сфере искусства может быть явным, но оно может быть и малозаметным, что диктует необходимость различения (дифференциации) и демаркации схожих, но не синонимических явлений, событий и фактов. События в жизни и события в искусстве не могут совпадать полностью не только логически, но и эстетически: искусство, как и массмедиа, озабочено экспрессивизацией нарратива, а в жизни, как правило, драмы и трагедии не столь заметны. Разграничивая жизненные, художественные и медийные события, говоря об их изоморфности, об их возможной похожести на другие, но в то же время и непохожести на то, что было раньше, мы должны иметь в виду принципиальную невозможность фиксации и тем более аналитического или философского толкования всех жизненных событий уже потому, что не все тайное становится явным.

Этический пафос прозы М. Мусаева и других чеченских авторов реализован в поступках героев и в событиях их жизни. Одним из важнейших событий романа можно считать событие рассказывания, которое сливается с сюжетом, но в то же время и неидентично наррации о событиях как таковой. Диалектика нераздельности и неслиянности двух типов событий – авторского и фабульного – вот еще одно доказательство мастерства писателя! Его пейзажные картины в романе также важны для понимания внутреннего мира героев. Любуясь природой Кавказа, Мурдал размышляет о благотворном воздействии красоты мира на душу человека. Горы и реки символизируют не только красоту, но и возвышенную отрешенность Природы от мелочных дразн в людском обществе. Контраст природы внешней и внутренней подчеркивает идею автора о необходимости лучше знать окружающий мир и учиться у птиц и зверей естественной мудрости неуничтожимой Жизни.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении поставленной проблемы в творчестве других чеченских авторов (таких как Ш. Окуев, Х. Саракаев, Х.-А. Берсанов и др.).

Источники | References

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Джусойты Н. Всё начинается с размышления // Вопросы литературы. 1976. № 5. С. 86-97.
4. Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В. И. Тютю / под ред. О. В. Федудиной, Ю. Л. Троицкого. М.: Intrada, 2015. 437 с.
5. Интерпретация события [Электронный ресурс]. URL: http://www.psyline.ru/articles/8462_interpretaciya-sobitiya.aspx (дата обращения: 18.04.2021).

6. Кусаев А. Магомед Мусаев [Электронный ресурс]. URL: <http://checheninfo.ru/15166-magomed-musaev.html> (дата обращения: 18.04.2021).
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 1596 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1998. 285 с.
9. Мусаев М. Избранное. После выстрела. Золотая брошка. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 306 с.
10. Мусаев М. После выстрела: проза, драматургия / вступ. ст. Х. Туркаева. Изд-е 2-е. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1985. 431 с.
11. Тамарченко Н. Д. Русская повесть Серебряного века: проблемы поэтики сюжета и жанра. М.: Intrada, 2007. 256 с.
12. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
13. Хорольский В. В. Время и память в романе К. Исигуро «Погребенный великан» // «Времена не выбирают...»: монография / под ред. С. Н. Филюшкиной, Д. А. Чугунова. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 69-72.

Информация об авторах | Author information

Товсултанова Джамиля Салавдиевна¹, к. филол. н.

¹ Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Tovsultanova Dzhamilya Salavdiyevna¹, PhD

¹ Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny

¹ djema-88@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.03.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): М. Мусаев; сюжет; событийность; нравственный идеал; этический пафос; M. Musaev; plot; eventfulness; moral ideal; ethical pathos.